

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*– Задание сложное?
– Исключительно.
– Вы меня успокоили, –
криво усмехнулся
Физули, – теперь мне
будет гораздо легче.*

Чингиз Абдуллаев

Агент
из Кандагара

ЭКСМО

Физули Гусейнов

Чингиз Абдуллаев
Агент из Кандагара

«PEN-клуб»

2010

Абдуллаев Ч. А.

Агент из Кандагара / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2010 — (Физули Гусейнов)

Такой важной, сложной и ответственной операции американские спецслужбы не проводили уже давно. Ее результатом должен стать прямой выход на главарей международного террористического движения и, может быть, на самого Усаму бен Ладена. Для этого ЦРУ внедряет в среду террористов трех агентов. Одного из них решено использовать «вслепую», второго просветить насчет истинного задания лишь частично; и лишь третий будет полноценным агентом внедрения. В случае провала одного из агентов внимание террористов будет отвлечено и оставшиеся шпионы смогут продолжить работу. Но кто из тройки падет жертвой шпионской игры? И все ли учли аналитики из Лэнгли?..

Содержание

Первый кандидат	5
Второй кандидат	9
Третий кандидат	15
Вместо прелюдии	19
Второй кандидат (продолжение)	24
Вместо прелюдии (продолжение)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чингиз Абдуллаев

Агент из Кандагара

В жизни почти каждого человека бывают минуты необратимости, которые большей частью проходят незамеченными.
Грэм Грин «Комедианты»

Заставить умных людей поверить, что ты являешься не тем, кем ты являешься на самом деле, во многих случаях труднее, чем стать действительно тем, кем желаешь казаться.
Георг Лихтенберг

Первый кандидат

Он вышел из автомобиля и огляделся по сторонам. Кажется, все спокойно. Улица живет своей жизнью. Бегают мальчишки, у магазина лениво спорят двое мужчин преклонного возраста. Припаркованные рядом машины, в основном побитые и устаревшие, ни у кого не вызывают подозрений. Его машина, та самая, которая ему нужна, стоит третьей в ряду, как раз недалеко от входа в гостиницу. Автомобиль на котором он приехал, уже скрылся за углом. Он пойдет туда сразу после взрыва. Но сейчас об этом лучше не думать. Он снова взглянул на нужную ему машину. Уже три дня этот побитый «Пежо» песочного цвета припарковывают рядом с гостиницей, чтобы местные охранники привыкли к этой машине. В первый раз они тщательно проверили автомобиль. Во второй – бегло осмотрели багажник и проверили документы владельца машины. В третий бегло проверили багажник. На этом «Пежо» сюда приезжает немолодая женщина, лет шестидесяти. Традиционный мусульманский платок, темная одежда. Такая женщина не вызывает подозрений. Среди смертниц не бывает женщин подобного возраста. Они в основном молодые экзальтированные фанатички, готовые немедленно отправиться в рай и унести с собой на тот свет несколько врагов.

Но здесь явно не тот случай. Владелица «Пежо» приезжает в гостиницу на переговоры с представителем Красного Креста и Красного полумесяца, прибывшим из Женевы. Его благородная миссия вызывает уважение у всех служащих отеля. Может, поэтому и к его собеседнице относятся благожелательно, и разрешают ей припарковывать машину в первой линии рядом с отелем, и не особенно досматривают ее автомобиль. Хотя в Пакистане принимают особые меры безопасности против террористов-смертников. К тому же в их провинции террористы наиболее активны.

Никто не может знать, что сегодня автомобиль начинен взрывчаткой, которую аккуратно уложили в багажник. И теперь автомобиль представляет собой настоящую бомбу, готовую взорваться при первом же сигнале. Но «Пежо» появляется здесь уже не в первый раз, и к тому же женщина даже не пытается въехать во внутренний двор отеля. Машина стоит на улице, в общем ряду. Ее хозяйка идет на переговоры. С точки зрения психологии все рассчитано идеально. Никому и в голову не придет еще раз досматривать эту старую машину.

Женщина выходит из автомобиля и поправляет платок, быстро проходит во двор, показывая удостоверение охраннику. Он благожелательно кивает. Женщина проходит дальше и входит в здание отеля. Человек, вышедший следом за ней уже из другой машины, стоит на противоположной стороне улицы. В кармане у него пульт, с помощью которого он взорвет этот автомобиль. Все рассчитано по минутам. Если понадобится? он готов отдать свою жизнь во имя общего дела. Чтобы весь мир содрогнулся, узнав о том, как борются в его стране за свободу.

Он прогуливается по улице, ожидая сигнала. Сигнал должна подать владелица автомобиля, которая выйдет из отеля в нужный момент. В руках у нее будет характерный зеленый платок. Как только он увидит этот платок, так сразу и обязан взрывать автомобиль. Все рассчитано, не может быть никаких сомнений.

Он чувствует, как у него начинают дрожать пальцы. Странно. Ему казалось, что он готов к выполнению этого задания. Он вытягивает правую руку. Пальцы действительно дрожат. Нет, так нельзя. Он обязан быть сильным в такой момент. Асиф Шахвани не имеет права испытывать сомнений. Ему только двадцать восемь лет, и он не сомневается, что готов взорваться вместе с этим автомобилем, лишь бы сделать все так, как нужно. Пусть проклятые иностранцы, которые наводнили его страну, узнают силу гнева его соотечественников.

Он доходит до угла ближайшего дома и поворачивает обратно. Нельзя привлекать внимания охранников отеля. К тому же там еще дежурят двое сотрудников полиции. И скоро подъедет еще одна машина полиции. Он все знает. Поэтому нужно выглядеть как можно более незаметно, не привлекая к себе особого внимания.

Асиф Шахвани не может знать, что в конце улицы стоит еще один автомобиль. Неприметный белый «Ниссан», в котором сидят двое иностранцев. Как раз из тех, кого он ненавидит больше всего. Оба мужчины внимательно следят за его перемещениями.

– Он нервничает, – говорит первый, сидящий за рулем. Он моложе, ему лет тридцать пять.

– Да, – соглашается второй. Ему за сорок. Внешне он похож на местных жителей: темные усы, темные волосы. Но это сходство обманчиво. Он гражданин совсем другой страны и работает на разведку своего государства, как и его напарник.

– Если он еще два раза пройдет туда и обратно, то полицейские обратят на него внимание, – предупредительно говорит первый.

– Ты думаешь, что он настолько идиот? – хмыкает второй, – хотя кто знает, что у него сейчас в голове. Надеюсь, у него хватит ума и времени, чтобы нажать кнопку, если они попытаются его арестовать.

– Левую руку он держит в кармане, – присматривается первый, – он ведь левша, поэтому не вытаскивает руку из кармана. Но это тоже выглядит подозрительно. Особенно с их дурацкой местной одеждой, напоминающей кальсоны. И эта непонятная жилетка сверху.

– Здесь бывает жарко, – возразил второй, – это нормальная одежда для местных условий. Лег пятнадцать назад я целых четыре месяца носил такую одежду, когда мы работали в этой стране. Никогда не думал, что приеду сюда снова...

Асиф Шахвани повернул в их сторону. Он старался не смотреть в направлении отеля, но было заметно, какие усилия он прилагает, чтобы не поворачивать голову.

– Слишком нервничает, – недовольно сказал первый.

– Ему только двадцать восемь, – напомнил второй, – для него это уже предельный срок. В террористы идут в восемнадцать, чтобы в двадцать умереть. Но нам восемнадцатилетние молодые дурачки не нужны. Пришлось выбирать из того материала, который был.

– До сих пор не понимаю, что мы здесь делаем, – выдохнул первый, – такое ощущение, что сейчас меня самого будут взрывать.

– У меня тоже были похожие ощущения. Но нужно помнить, что мы работаем на свою страну и выполняем задание, которое обязаны выполнить. В данном случае нам лучше не знать всех деталей операции. Нам все равно не расскажут. Но если наверху решили, что так нужно, значит, так действительно нужно. Иначе нас не послали бы сюда следить за Шахвани. Сколько ты работал у нас, прежде чем попал в наш отдел?

– Девять лет.

– Тебе повезло. Я «протрубил» четырнадцать. И меня все время проверяли, прежде чем допустить к самостоятельной оперативной работе. И тебя будут проверять. Хотя можешь счи-

тать, что сегодняшняя операция – тоже своеобразная проверка. О нашей работе никто и никогда не должен знать. Никто и никогда. Никаких следов в архивах, никаких докладов нашим законодателям, никаких отчетов. Тех операций, которые мы проводим, не может быть по определению. Если нас сейчас схватят, то мы умрем, как обычные туристы, умрем под чужими именами и с чужим гражданством. У нас нет права даже умереть под собственным именем. Такова цена нашей работы.

– Я знаю, – сказал первый, – но все равно чувствую себя не совсем хорошо. Учитывая, что здесь сейчас произойдет...

– А если бы это произошло без нас, то было бы лучше? – поинтересовался второй, – мы всего лишь наблюдаем за тем, что невозможно предотвратить, пытаюсь взять этот неуправляемый процесс под свой контроль. Хотя бы отчасти... Посмотри, уже подъехала машина полиции.

По улице проехал полицейский автомобиль. Машина въехала во двор. Из нее вышли двое офицеров полиции, которые пренебрежительно оглядывались вокруг. Было заметно, как они недовольны, ведь их сняли со спокойного дежурства и отправили в этот отель, куда должны были приехать делегаты конференции правящей партии. Оба офицера достали сигареты, даже не глядя в сторону отеля. Послышались крики людей, шум подъезжающих машин. Целая кавалькада автомобилей в сопровождении полиции появилась на улице.

Сидевшие в «Ниссане» переглянулись. Асиф Шахвани замер, ожидая сигнала. Машины подъезжали все ближе. Они должны остановиться точно у припаркованного «Пежо». Он не смотрит на машину, не обращает внимания на оживленные крики людей. Его взгляд прикован к выходу из отеля, откуда должна появиться владелица «Пежо». Он ждет сигнала.

– Черт возьми, – выругался первый, – посмотри, сколько людей их сопровождает.

– Они нарочно едут так медленно, чтобы привлечь к себе внимание, – невозмутимо пояснил второй, – типичный предвыборный трюк.

– Там в толпе много детей, – сказал сквозь зубы первый.

– Я вижу, – спокойно ответил второй, – зачем ты мне это говоришь? Предлагаешь выйти из машины и уговорить Шахвани не взрывать «Пежо»? Он меня не слушает, и ты это прекрасно знаешь. Может, стоит его застрелить и спасти всех остальных. Тоже не поможет. Он может успеть нажать кнопку. Что тогда? Не сегодня, так завтра, не здесь, так в другом месте. Их организация приняла решение, и никто уже не в силах его отменить.

– Никто, кроме нас.

– Мы тоже ничего не можем сделать. Мы всего лишь контролируем этот процесс, чтобы он не стал неуправляемым. Пока они взрывают друг друга, наши обыватели могут спокойно спать. Хуже, когда они решают устраивать подобные вещи в нашей собственной стране. Вот тогда мы обязаны вмешиваться. Если хочешь, мы в данный момент спасаем жизни наших граждан, наших жен и детей. Мы обязаны знать, кто и зачем убивает в этой стране, чтобы не пускать их в нашу собственную. Выбор есть только такой: либо люди погибают здесь, либо в нашей стране. И не исключено, что среди погибших у нас могут оказаться твои родители, жена, дети. Хотя у тебя, кажется, одна дочь?

– Ты это давно знал?

– Случайно вспомнил. Хватит рассуждать. Сейчас все начнется...

Кавалькада подъехала к отелю. Машины начали поворачивать во двор и возник обычный затор. Один из автомобилей оказался рядом с «Пежо». В нем как раз находились функционеры правящей партии. Шахвани напряженно смотрел на выход из отеля. Из него, наконец, вышла женщина. В руках у нее был зеленый платок. Никаких сомнений. Она развернула платок, словно показывая его своему сообщнику. Теперь тот уже не сомневался. Он взглянул на «Пежо». Рядом толпились люди. Лучше не смотреть в эту сторону. Он находился довольно близко к машинам, и, наверно, кто-то другой отошел бы на безопасное расстояние. Но он счи-

тал, что не имеет права даже думать об этом. Если он пострадает, то, значит, так и должно быть. Шахвани нажал на кнопку пульта. Раздался чудовищный взрыв и тут же – крики людей, стоны, проклятия.

– Черт возьми, – сказал первый, – никогда в жизни не присутствовал при управляемом террористическом акте.

– Значит, с почином – кивнул его напарник.

– Мы уезжаем? – спросил первый.

– Нет, – возразил второй, – нужно дождаться, когда осядет пыль, и рассмотреть ситуацию.

Первый снова пробормотал какое-то ругательство, но больше ничего не стал уточнять.

Шахвани стоял как вкопанный. Все лицо у него было в крови, осколки стекла поранили ему лицо и руки. Но серьезных ранений у него не было. Он стоял и смотрел на муки умирающих людей, корчащихся от полученных ран. Владелицы «Пежо» нигде не было видно. Он знал, что должен уходить, но не мог оторваться от этой страшной картины, которую сам и сотворил.

– Этот кретин стоит словно в шоке, – разозлился второй. – Может, выйти и хлопнуть его по шее, чтобы он пришел в себя?

– Я бы на его месте тоже был не в себе, – задумчиво произнес первый.

– Хватит, – прервал его второй, – ты у нас такой сентиментальный. Подай заявление и переводись в отдел писем. Будешь читать чужие письма, станешь на старости лет писателем или философом. А у нас оперативная работа на грани помешательства. Вот так мне однажды объяснили, чем именно мы занимаемся.

– Он уходит, – сообщил первый, – повернулся и уходит. Хотя он, кажется, ранен.

– Надеюсь, что выживет. Мы знаем, куда он пойдет. Не торопись, пусть он уйдет, и тогда мы уедем.

– Сейчас здесь будет полно полицейских. Они наверняка обратят внимание на нашу машину.

– Ничего. Мы случайно заехали в этот район. Заблудились и заехали. Сейчас мы уедем.

Асиф Шахвани скрылся за углом. Первый включил мотор, медленно сдал назад, развернулся.

– Все это дерьмо, – неожиданно сказал он.

Второй промолчал. Он уже понял, как именно будет составлен его отчет. Его молодому коллеге не обязательно знать, что он не сумел пройти это испытание. Никто не говорит сотрудникам, что их будут проверять все время. Хотя он честно пытался предупредить своего напарника. Но тот так ничего и не понял. В их отделе иначе невозможно. Только очень устойчивые люди, трижды проверенные, не знающие никаких сомнений, могут заниматься таким делом. «На грани помешательства», – вспомнил второй. Он взглянул на своего напарника. Жаль, что он им не подходит. Хороший сотрудник, но слишком впечатлительный. И ничего невозможно скрыть. Это явно не тот случай, когда можно промолчать.

– Прибавь газу, – попросил он своего молодого коллегу, – нам нужно как можно быстрее оказаться в нашем отеле.

Второй кандидат

Он посмотрел в иллюминатор. Внизу простирались горы. В соседнем кресле посапывал сосед, все время пытаюсь устроиться поудобнее и невольно задевая его своим плечом. Мужчина недоволено поморщился. Он уже много лет не летал эконом-классом и забыл, как тесно сидеть в этих рядах, даже если ты летишь бортом «Люфтганзы». Он осторожно отстранил от себя соседа и снова посмотрел в иллюминатор. Самолет через тридцать минут должен был приземлиться в Баку, в аэропорту имени Гейдара Алиева. Только что объявили, что в Баку хорошая погода, ясная видимость и температура около двадцати градусов по Цельсию. Он снова мягко отодвинул сонного соседа. С собой у него ничего нет, кроме вместительной сумки. Никакого багажа, ничего лишнего. Смена белья, две свежие сорочки и два фотоаппарата для работы. Уже послезавтра он должен улететь обратно. Он прибывает в столицу Азербайджана по поручению своего журнала, для которого сделает фотосессию о бывшей «стране огней», как раньше называли эти места. Снимет храм огнепоклонников в одном из бакинских предместий – Атешгях, где до сих пор горят огни, вспыхнувшие еще в те незапамятные времена, когда религия зороастрийцев и огнепоклонников господствовала в этих краях.

Никто не должен знать об истинной цели визита известного фотографа Джонатана Фоксмана, который на самом деле является многолетним сотрудником Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки. Его профессия позволяет ему бывать во многих местах. За долгие годы своей двойной жизни он действительно стал одним из самых известных и авторитетных фотографов не только в Америке, но и во всем мире. Что не мешает ему заниматься и своей основной деятельностью – работать на разведку. Хотя сейчас, когда ему уже под шестьдесят, трудно определить, где его основная работа. Разведка и фотодело стали неотъемлемой частью его жизни. Его лицо довольно часто появлялось на обложках известных журналов. Создавался так называемый эффект узнаваемости, когда в знакомом человеке трудно заподозрить возможного агента спецслужбы. Редкие рыжеватые волосы, зеленые глаза, тяжелый, массивный подбородок, мясистый нос. Для разведчика у него была довольно запоминающаяся внешность, но это было обманчивое впечатление узнаваемости.

Собственно, такие люди есть в каждой стране, у каждой солидной спецслужбы. С одной стороны, они работают кем угодно, иногда даже успешно делая профессиональную карьеру. Они могут быть журналистами, писателями, художниками, политическими деятелями, священнослужителями, преподавателями, врачами. Но это всего лишь прикрытие их работы на разведку или контрразведку. Такие люди нужны для связи и сбора информации в других странах, куда они прибывают, не вызывая ненужных подозрений. Они информируют собственные спецслужбы о возможных террористических или иных противоправных актах. Иногда разведчиков посылают в другие страны на дипломатическую или иную работу, где они трудятся под «крышей», почти не скрывая своей истинной профессии. Например, в Восточной Германии таким образом работал будущий президент России.

Джонатан Фоксман в очередной раз толкнул своего соседа, поднимаясь со своего места. Самолет плавно сел, разворачиваясь к основному зданию аэропорта. Из Франкфурта в Баку летал огромный «Аэробус» триста сороковой серии, в котором было несколько салонов. Фоксман забрал свою сумку и заторопился к выходу. Пограничник взглянул на его паспорт. В американском паспорте была проставлена виза сроком на семь дней.

– Вы будете находиться здесь семь дней? – удивился офицер. По-английски он говорил достаточно хорошо.

– Нет, – ответил Фоксман, – я прилетел только на два дня по заданию своего журнала. У меня есть обратный билет.

– Тогда понятно. Добро пожаловать, – улыбнулся офицер, поставив печать в паспорт.

Фоксман взял паспорт, кивком головы поблагодарил офицера пограничной службы и прошел дальше. В следующем зале получали багаж. Он равнодушно прошел мимо начавшей вращаться ленты выдачи багажа. Подошел к выходу из терминала, рядом с которым стояло несколько сотрудников таможенной службы. Опытным взглядом они определили, что перед ними иностранец. Фоксман подошел к одному из офицеров, определив по его важному виду, что он и есть начальник смены.

– Извините, – сказал Фоксман, обращаясь к таможеннику по-английски, – я журналист из Америки и у меня с собой есть два фотоаппарата. Должен ли я их вносить в таможенную декларацию?

Офицер нахмурился. Жестом подозвал одного из своих молодых сотрудников.

– Что он хочет? – спросил он.

Фоксман повторил, а молодой сотрудник перевел.

– У него два фотоаппарата и он спрашивает, нужно ли их декларировать?

– Ничего не нужно, – широко улыбнулся руководитель смены, – пусть хоть пять фотоаппаратов везет. Здесь – свободная страна, сколько привез, столько и может нести. И еще купить сколько хочет, никаких ограничений.

Молодой сотрудник улыбнулся и перевел слова своего руководителя Фоксману. Тот кивнул, поблагодарив таможенников и двинулся дальше.

– Эти американцы и европейцы всегда такие дотошные, – с удовольствием пояснил начальник смены, – все точно узнают, спрашивают, выясняют. Нужно учиться у них уважать законы.

Гость подошел к автоматически открывающимся дверям. Вышел из терминала, и двери за ним закрылись. Фоксман прошел дальше. Его должны были встречать. Сотрудник американского посольства должен был приехать за ним.

– Мистер Фоксман, – услышал он. К нему подошел высокий молодой человек с табличкой в руках. На ней была написана его фамилия. Фоксман усмехнулся, подошел ближе.

– А где ваш багаж? – радостно спросил молодой человек. – Ой, извините. Здравствуйте. Добро пожаловать в Баку! Меня прислали из посольства.

По английски он говорил почти безупречно, но все уже было понятно, что он из местных.

– У меня нет багажа, – пояснил Фоксман, – только фотоаппаратура вот в этой сумке. Вы работаете в нашем посольстве?

– Да, – кивнул молодой человек, – позвольте представиться. Ильяс Мамедов. Я должен отвезти вас в отель.

– Вы, наверно, гражданин Азербайджана?

– Верно, – улыбнулся Мамедов, – но я работаю в посольстве уже второй год. Мне поручено встретить вас и отвезти в отель. Можно я возьму вашу сумку.

– Берите, – добродушно согласился Фоксман. Если бы в посольстве знали, с каким заданием он приехал, то наверняка в аэропорт приехал бы сам посол. Хотя сейчас, кажется, посол – женщина. Странная практика у Государственного департамента. В такую сложную мусульманскую страну, являющуюся нервным узлом всего Прикаспийского региона, присылают посла-женщину. Причем одновременно с ней, из Лондона – прибывает другой посол – Ее Величества королевы – и тоже женщина. А французы вообще умудрились назначить послом сюда человека с нетрадиционной сексуальной ориентацией. И это в страну, которая стратегически необычайно важна для всего западного мира. Она располагает огромными минеральными ресурсами, граничит с Ираном, Россией, Арменией, Грузией, Турцией, Туркменией, Казахстаном. А Баку традиционно считается центром всего Каспийского региона.

Впрочем, большая политика не должна интересовать Фоксмана. Он всего лишь фотожурналист, который прибыл сюда на обычную фотосессию. Завтра снимет нужный материал и послезавтра улетит отсюда. Поэтому его встречает даже не рядовой сотрудник посольства,

а всего лишь вольнонаемный из местных жителей. Парню явно не больше двадцати пяти. Так даже лучше, не вызывает никаких подозрений.

Они прошли на стоянку, и Ильяс показал на довольно старенький внедорожник «Хундай». Фоксман усмехнулся. Неужели в посольстве используют и такие машины? Впрочем, это тоже не его дело. Он уселся в салон, рядом с водителем. Ильяс забрался на свое место, машина мягко тронулась.

– Мы едем в отель «Парк Хаят», – пояснил Ильяс. – У вас есть какие-нибудь пожелания или просьбы?

– Завтра мне будет нужна машина и ваша помощь, чтобы поехать в этот храм огнепоклонников. Как называется это место?

– Атешгях. Мне уже поручили завтра сопровождать вас. Что-нибудь еще? Если хотите, я покажу вам город?

– Обязательно. Как раз завтра и покажете. Говорят, что у вас тут изумительная кухня. Мне рассказывал об этом один наш журналист, уже побывавший в вашей стране.

– Да, – улыбнулся Ильяс, – это правда. Вы можете заказать ужин прямо сейчас в свой номер. Или если хотите, мы куда-нибудь поедem прямо сейчас.

– Нет, не сейчас, – улыбнулся Фоксман, – пожалейте старика. Я летел из Америки девять часов, а потом еще четыре с половиной часа из Франкфурта. Мне нужно отдохнуть.

– Конечно, – согласился Ильяс, – номер для вас уже заказан. Больше ничего не нужно?

– Нет, нет. Больше ничего. Спасибо.

Он с удивлением осматривался по сторонам. Широкая многополосная дорога, словно они находились в какой-то европейской стране. Высокие, многоэтажные здания по обеим сторонам улиц. Яркое вечернее освещение. Дорогие иномарки, обгонявшие их во время поездки. Открытые магазины и рестораны, в которых много людей. Такое ощущение, что он попал в небольшую европейскую страну. И эта страна явно не из Восточной Европы, где он часто бывал. Даже невозможно сравнивать, подумал Фоксман. Что значит богатая страна. Взлетевшая за последние годы цена на нефть сделала Азербайджан одним из главных поставщиков этого сырья на мировые рынки. И соответственно бюджет государства увеличился за несколько лет более чем в десять раз. К тому же к руководству страной пришел молодой и популярный сын бывшего президента. Он был прекрасно образован, закончил один из лучших вузов Москвы, свободно владел русским, английским, французским, турецким языками. Ему удалось сплотить вокруг себя команду молодых профессионалов, каждый из которых словно опровергал устойчивое мнение о типичном провинциальном чиновнике небольшой мусульманской страны. Это были образованные, знающие люди, владеющие несколькими языками, начитанные, грамотные интеллектуалы, которые с охотой взялись за дело. В отличие от прежних чиновников они меньше воровали и больше работали на общее дело, что в конечном итоге и сказалось на развитии всей страны.

Автомобиль подъехал к отелю. Ильяс внес сумку в холл, подошел к портье. Затем вернулся к Фоксману.

– Нужен ваш паспорт, – извиняющимся тоном произнес Ильяс.

Фоксман протянул свой паспорт. Ильяс быстро подошел к стойке, заполнил бумаги, затем подал их Джонатану.

– Распишитесь, – попросил он, показывая место подписи. Фоксман взял ручку в левую руку. Он был левшой. Привычно расписался.

– Приятного отдыха, – улыбнулась девушка-портье, – в номере вас ждут фрукты и вода. Это бесплатно, комплимент от отеля.

– Спасибо, – поблагодарил Фоксман, – значит, до завтра, – кивнул он Ильясу, забирая сумку и протягивая руку.

– До свидания, – пожал ему руку Ильяс.

Фоксман вошел в кабину лифта, поднялся на четвертый этаж. Он довольно быстро нашел свой номер, распаковал сумку, достал фотоаппараты, разложил их на столике и затем отправился в душ. После чего заказал себе ужин в номер, быстро поел, выставил поднос за дверь и лег в кровать. Уже через полтора часа он крепко спал.

Его легкий храп был слышен двум сотрудникам местной службы безопасности, которые внимательно прослушивали его номер. Офицеры местного Министерства национальной безопасности не могли знать, что Джонатан Фоксман является многолетним секретным сотрудником ЦРУ. Но как и всякого иностранца, неожиданно решившего прилететь в их страну на несколько дней, его взяли на заметку и решили проконтролировать все его передвижения. В Баку знали, что в последние годы резко активизировалась тайная война между иранскими и американскими спецслужбами, которые действовали в Азербайджане. По негласному соглашению они не препринимали друг против друга никаких активных действий, предпочитая вести тайную войну с помощью своей агентуры. Однако кроме этих двух основных игроков в стране активно действовали российская, израильская и британские спецслужбы, у которых были свои интересы и своя собственная агентура. Именно поэтому штат сотрудников Министерства национальной безопасности постоянно увеличивался, ведь приходилось контролировать сразу столько резидентур.

Согласно сведениям, полученным из российской резидентуры, прибывший фотожурналист Джонатан Фоксман время от времени выполнял поручения Центрального разведывательного управления США. И хотя точных сведений о причастности Фоксмана к этому ведомству у Службы внешней разведки России не было, тем не менее они сочли возможным передать подобные сведения местным органам безопасности. Слишком часто, по непонятным совпадениям, Фоксман оказывался в горячих точках планеты. И хотя он действительно был неплохим фотожурналистом, тем не менее сделать гадость другой разведке и подставить ее возможного осведомителя или агента под наблюдение чужой контрразведки считалось хорошим тоном. Поэтому Фоксмана взяли под плотный контроль уже в аэропорту.

Американское посольство на встречу Фоксмана отправило Ильяса Мамедова не только потому, что пренебрежительно относилось к прибывшему фотографу. В посольстве знали, что Мамедов уже полтора года информирует сотрудников Министерства национальной безопасности Азербайджана о своей работе. И справедливо решили, что прибывающий на полтора дня журналист вполне может встретиться с этим осведомителем. В свою очередь, в Министерстве национальной безопасности были осведомлены о том, что посольство хорошо знает об их внештатном сотруднике. Такое положение дел устраивало обе стороны.

Именно поэтому Ильяс Мамедов в своем донесении указал, что прибывший журналист Джонатан Фоксман интересовался своими завтрашними съемками и местной кухней. Именно поэтому номер Фоксмана прослушивался и его храп был зафиксирован наблюдателями из контрразведки. Именно поэтому американское посольство не очень интересовало похождения журналиста, который прилетел для своей фотосессии и не имел никакого отношения ни к дипломатической службе, ни к спецслужбам Соединенных Штатов. Во всяком случае, в посольстве никакой другой информации просто не было. Ни у кого, кроме одного человека. Этот человек считался советником по культуре, хорошо владел несколькими языками, в том числе русским, турецким, азербайджанским.

По «случайному совпадению» именно в этот вечер советника пригласил консул Израиля, который проживал в «Парк Хаяте». Наблюдатели из местной контрразведки зафиксировали их встречу. Никто даже не мог предположить, что, уходя из отеля, советник передал небольшой конверт водителю, приехавшему за ним. Водитель был сержантом американской морской пехоты, одетым в штатское. Он прошел по коридору и просунул конверт под дверь номера Фоксмана. Затем вернулся к своей машине.

Услышав легкий шорох, Фоксман сразу проснулся – сказывалась многолетняя привычка. Он осторожно поднялся, подошел к дверям. Открыл конверт. В нем был листок, на котором значилось только несколько цифр. Если бы даже конверт попал в чужие руки, никто бы не сумел понять, что скрывается за этими цифрами. Это не был шифр в привычном понимании этого слова. Первая цифра обозначала номер в отеле, вторая – завтрашнее время. И третья – возможную продолжительность беседы. Расшифровать подобные цифры не смог бы ни один шифровальщик в мире, если бы не знал точно, что именно они означают.

Фоксман прошел в ванную комнату и сжег содержимое конверта, а затем и сам конверт. Пепел спустил в унитаз. Убедившись, что все в порядке, он лег в кровать и снова уснул. Со стороны могло показаться, что пожилой человек просто поднялся ночью с постели и прошел в туалет. Фоксмана заснул сразу и глубоко. Утром он с удовольствием позавтракал в отеле, ожидая, когда за ним придет Ильяс Мамедов.

В этот день он честно провел свою фотосессию, восхищаясь местными пейзажами. Обедали они в небольшом ресторанчике у моря, кухня которого привела Фоксмана в полный восторг. К вечеру уставшие наблюдатели уже с нетерпением ждали, когда этот экзальтированный американец закончит свои съемки и вернется в отель. Было очевидно, что информация по Фоксману не соответствовала действительности. Его интересовала только съемка. Ближе к пяти часам вечера Ильяс привез Фоксмана в американское посольство и вместе с ним прошел к консулу. Это был обычный, ничего не значащий визит. Если не считать взглядов, которыми обменялись Фоксман и советник по культуре, встретившиеся в коридоре. Но Ильяс не мог обратить внимания на подобный быстрый обмен взглядами. В своем вечернем донесении он указал, что пятиминутный вежливый разговор гостя с консулом шел о ничего не значащих подробностях приезда журналиста в Баку.

Вечером Фоксман спустился в ресторан и даже выпил два бокала вина. Затем немного погулял вокруг отеля. Он ни к кому не подходил и ни с кем не разговаривал. Уже в десять вечера он был у себя в номере. Контрразведчики понимали, что это «тухлый номер». Он заснул сразу, как только лег, и его легкий храп еще долго раздавался в их прослушивающей аппаратуре.

Ровно в три часа ночи он проснулся, словно кто-то разбудил его. Осторожно поднялся, достал небольшой магнитофон, включил его. На пленке был записан его храп. Стараясь не шуметь, он вышел из своего номера. До нужного номера идти ему было совсем недалеко. На этаже никаких камер внутреннего наблюдения не было. Он подошел к двери и осторожно постучал. Даже не постучал, просто поскребся. Дверь сразу открылась.

На пороге стоял мужчина, удивительно похожий на Фоксмана. Та же комплекция, рост, несколько тучная фигура, щекастое лицо. Только этот человек был в очках и у него в отличие от гостя были густые седые волосы. Это был украинский бизнесмен, уже два дня гостивший в Баку. Оба знали, что именно им нужно делать и поэтому лишние слова были действительно лишними. Фоксман надел протянутую ему куртку бизнесмена, натянул седой парик, надел очки. Теперь он выглядел почти идеальным отражением украинского гостя. Никому и в голову не могло прийти, что этот «бизнесмен» уже несколько раз в разных странах и при иных обстоятельствах подобным образом «заменял» Фоксмана, выступая то в роли украинца, то в роли израильянина, то в роли словака. За украинцем, разумеется, никто и не думал следить. Джонатан молча кивнул своему двойнику и, спустился вниз. На улице его ждал автомобиль украинского гостя, припаркованный прямо рядом с отелем. Это был внедорожник «Лэнд Ровер» черного цвета. Фоксман уселся в машину и мягко отъехал. Он полчаса ездил по городу, проверяя, нет ли за ним наблюдения, а затем резко развернул машину и поехал в сторону Мардакян, приморского поселка, находившегося в сорока километрах от города.

Когда на часах было около четырех, он подъехал к дороге, ведущий в поселок. У поворота стояли белые «Жигули». Фоксман притормозил машину, снова огляделся. Затем первым

вышел из автомобиля, подошел к «Жигулям». Оттуда вышел высокий молодой мужчина лет тридцати.

– Здравствуйте господин Физули, – сказал Фоксман на хорошем русском языке, протягивая ему руку, – я очень рад, что вы приняли наше предложение.

Третий кандидат

В этом лондонском пабе на Сити Роуд в будни посетителей бывало немного. Зато по вечерам пятницы и в субботу бар заполнялся людьми и здесь трудно было найти свободное место. Но в остальные дни здесь было тихо и безлюдно. Только двое посетителей сидели в углу за своими кружками пива. Вошедший мужчина неторопливо оглянулся по сторонам, заказал себе темного пива и уселся в другом углу. На вид ему было около сорока лет. Чуть выше среднего роста, смуглое лицо, характерное для выходцев из Южной Азии, тонкие губы, выпуклые выразительные глаза. В этом районе было много выходцев из Пакистана, поэтому на него никто не обратил внимания.

Он был в сером костюме и черной рубашке без галстука. Очевидно, он не очень любил пиво, так как за двадцать минут ожидания не выпил даже четверти кружки. В бар вошел еще один мужчина с типичной арабской внешностью. Смуглое лицо, черные волосы, нос с характерной горбинкой, подчеркнутые скулы. Этому посетителю было не больше двадцати пяти лет. Увидев смуглолицего, он кивнул ему в знак приветствия и, заказав себе минеральной воды, подошел к столику.

– Здравствуйте, уважаемый Бахыш-хан, – вежливо поздоровался вошедший.

– Добрый день Маджид, – протянул ему руку поднявшийся Бахыш-хан, – садись. Я рад, что ты приехал.

– Я немного задержался, прошу меня извинить, – сказал Маджид, усаживаясь напротив.

– Ничего, – улыбнулся Бахыш-хан, – я был уверен, что ты приедешь. Если не возражаешь, давай перейдем на арабский, чтобы нас не понимали.

– Здесь никого нет, – оглянулся по сторонам Маджид. В дальнем углу сидели двое посетителей, и сонный бармен скучал за стойкой.

– Все равно так будет лучше, – улыбнулся Бахыш-хан. – Ты уже знаешь, почему мы выбрали именно тебя?

– Да, знаю. Мне сказали, что вы хотите увидеться со мной, чтобы поговорить о моих проблемах.

– Ты ведь заканчиваешь химический факультет в Кембридже, – напомнил Бахыш-хан, – и, насколько я знаю, твои успехи радуют преподавателей и твоих уважаемых родителей.

– Спасибо. Я стараюсь учиться хорошо, чтобы оправдать их доверие.

– Ты уже решил, где именно будешь работать? Выпускника Кембриджа будут готовы принять лучшие лаборатории мира.

– Мне предлагают остаться в самом Кембридже, делать докторскую диссертацию, либо работать в крупной американской фармацевтической компании.

– И что ты решил?

– Пока не решил. У меня еще есть время до первого числа.

– Ты не должен забывать, что в первую очередь ты мусульманин, а уже потом выпускник Кембриджа.

– Я об этом всегда помню, – очень серьезно ответил Маджид, – и стараюсь не нарушать наших заповедей.

– Это очень хорошо, Маджид. Ты, наверное, удивился, когда увидел, что я пью пиво, этот алкогольный напиток, негодный Аллаху. Но так нужно, иначе я вызвал бы ненужные подозрения. Если мы будем сидеть в этой пивной и пить минеральную воду, на нас сразу обратят внимание. Иногда во имя высших целей мы обязаны нарушать некоторые наши заповеди...

– Я понимаю.

– Мы хотим предложить тебе работу, Маджид. Очень сложную и очень ответственную работу. На благо всего мусульманского мира. Это будет работа, достойная такого человека, как ты.

– Я вам верю, уважаемый Бахыш-хан, но мои родители... Что они скажут? Ведь отцу было так трудно оплачивать мое обучение в Англии. Мы не настолько богаты, чтобы я отказывал американцам.

– Насчет денег можешь не беспокоиться. У тебя будет зарплата в несколько раз большая, чем та, которую ты получал бы в самой крупной фармацевтической компании Соединенных Штатов. И все долги твоего отца мы оплатим еще до того, как ты начнешь свою работу.

Маджид судорожно вздохнул. Провел рукой по лицу.

– Если все будет так, как вы говорите...

– Только так, Маджид, только так.

– Тогда я, конечно, согласен. Что я должен делать?

– Хорошо учиться. Тебе осталось еще несколько месяцев. Нам нужно чтобы ты получил самый лучший диплом, которого ты заслуживаешь.

– Я думаю, что все так и будет, – улыбнулся молодой человек.

– Прекрасно. Я тоже так думаю. Посчитай, что тебе нужно прямо сейчас. Много денег я пока дать тебе не смогу, но все же помочь мы тебе сможем. И твоей семье тоже поможем. Твоя семья пользуется особым уважением среди ливанских шиитов. Мы надеемся, что ты будешь достоин своей славной семьи. Ведь твой старший брат погиб во время ливанской войны?

– Да, – кивнул Маджид, – во время войны с израильянами.

– Вот видишь. В вашей семье существуют такие традиции, так что ты просто обязан быть достойным памяти своего старшего брата и своего дяди Ибрагима аль-Кифти, который был известен на всем Ближнем Востоке. Его убили не мусульмане, как принято считать. Это предатели, люди, не имеющие в своем сердце Аллаха и предавшие своих братьев-единоверцев.

– Спасибо. Я даже не помню дяди. Он погиб, когда мне было только четыре года. Но память о нем живет в нашей семье. Моя мать была его младшей сестрой.

– Мы все это учитывали, когда предложили тебе встретиться, – кивнул Бахыш-хан. – Сейчас мы с тобой расстанемся. Когда выйдешь отсюда, не садись в такси. Лучше пройди по этой улице до конца, там будет станция метро. Войди в метро, дождись поезда, а когда он придет, войди в вагон и выйди из него за секунду до того как закроются двери. Посмотри, нет ли чего-нибудь подозрительного. Затем поднимись наверх, пропусти первое свободное такси и возьми второе. Ты меня понял?

– Как в шпионском детективе, – улыбнулся молодой человек.

– Это уже жизнь, – сурово напомнил Бахыш-хан, – и мы очень рассчитываем, что ты нас не подведешь. Вот тебе деньги. Здесь небольшая сумма, только триста фунтов. Но мы будем помогать тебе и дальше. А потом поможем и твоему уважаемому отцу.

– Спасибо, – вздохнул Маджид, забирая деньги.

– Ты понимаешь, что о нашем разговоре не должен знать никто, – напомнил Бахыш-хан, – ни один человек. Иначе мы не сможем работать с тобой.

– Я все понимаю.

– У тебя есть девушка. Она – голландка.

– Откуда вы знаете? Впрочем, да. Извините. Я вас слушаю.

– Вам придется расстаться. Подумай, есть ли у тебя силы, чтобы порвать с ней навсегда.

– Она хорошая девушка, – попытался объяснить Маджид.

Бахыш-хан выразительно посмотрел на него. Он ничего не произнес, просто смотрел на своего молодого собеседника.

– Да, я понимаю, – опустил голову Маджид, – но я не думал, что все так серьезно. Я попытаюсь... честное слово, я попытаюсь...

– Это будет верное решение, – кивнул Бахыш-хан. – А теперь можешь уходить. Я позвоню тебе через две недели, и мы увидимся снова. Уже в другом месте. Возможно, мы приедем к тебе в Кембридж. Если кто-то будет спрашивать, то скажи, что приехал родственник твоего отца.

– У нас много арабов, – улыбнулся Маджид, – они сразу поймут, что вы не можете быть родственником моего отца. У вас запоминающаяся и характерная внешность. Вы совсем не похожи на араба, извините меня. Они сразу поймут, что вы из Пакистана.

– Правильно, – согласился Бахыш-хан, – конечно, не похож. Можешь не беспокоиться. Если будет нужно, то к тебе приедет настоящий араб, который будет похож на твоего родственника. Договорились?

– Да, до свидания. Спасибо вам за все.

Маджид встал, пожал руку своему собеседнику и вышел из бара. Бахыш-хан оглянулся. Двое посетителей, сидевших в углу, смотрели на него. Он незаметно кивнул, подошел к бармену, положил на стойку бумажку в десять фунтов и вышел из бара. Через минуту следом за ним вышли и двое других посетителей. Они свернули на другую улицу, где в салоне автобуса с затемненными стеклами их уже ждал Бахыш-хан. Оба вошли следом за ним в автобус, который сразу тронулся.

– Все нормально, – сразу сообщил на превосходном английском Бахыш-хан, – парень согласен работать с нами. У него прекрасная голова, хорошая память, он умеет аналитически мыслить.

– Слишком известная семья, – задумчиво сказал один из вошедших в автобус, – возможно, мы несколько перестарались.

– Это даже хорошо, – возразил Бахыш-хан, – именно такой человек будет вызывать меньше подозрений. Не забывайте, что он провел в Англии несколько лет, а значит все равно к нему будет много вопросов. И его еще долго будут проверять, прежде чем окончательно убедятся в его надежности. Именно такой человек нам и нужен. А его легендарный дядя и погибший старший брат только делают Маджида вполне устойчивым кандидатом для прохождения любой проверки.

– И все-таки нужно быть осторожнее. Можно было выбрать кого-нибудь другого. За ним тянется такой шлейф известности. Израильтяне могут быть недовольны. Я уже не говорю про англичан. Мы не имеем официального права работать на их территории. Я не удивлюсь, если выяснится, что сейчас нас слушает их контрразведка.

– Мы делаем одно общее дело, – возразил Бахыш-хан, – и вы понимаете, во имя чего мы его делаем. Мы просмотрели массу кандидатур, отсекали несколько сотен возможных претендентов. Он оказался самой идеальной кандидатурой. Особенно учитывая его успехи в Кембридже. Найти нужного кандидата очень сложно, а такого, как Маджид, вообще невозможно. Добавьте к этому еще и его шиитские корни. В Агафнистан его позовут через две недели. Они тоже долго выбирали себе подходящего человека.

– Посмотрим, – кивнул его собеседник, – в любом случае именно ты, Бахыш-хан, будешь отвечать за этого кандидата. Значит, ты понимаешь, какая на тебе ответственность. Насчет голландки ты ему сказал?

– Конечно. По-моему, он все понял.

– Вот в этом я не уверен. В таком возрасте часто влюбляются и расстаются с любимой девушкой по приказу неизвестного начальника будет очень непросто.

– Он дал слово...

– А если не сумеет?

– Есть масса способов заставить его расстаться с ней. Найдем другого молодого человека, который просто отобьет ее у него. Или выйдем на подругу, которая сделает все, чтобы разорвать их отношения...

– Другие варианты существуют?

– Конечно. В крайнем случае она срочно уедет из Англии домой или попадет под колеса автобуса, – в сердцах произнес Бахыш-хан, сверкнув глазами.

Оба его собеседника замолчали. Переглянулись.

– Надеюсь, что ты пошутил, – сказал один из них.

– Нет, – ответил Бахыш-хан, – ты только что сказал насчет операции, которую мне поручили. Я доведу Маджида до конца, и если мне будет мешать женщина или мужчина, непреодолимые обстоятельства или сам Иблис-Дьявол, то и тогда я сделаю все, чтобы успешно завершить нашу операцию. Или вы сомневаетесь, господа?

Автобус направлялся на запад. Ни один из сидевших в нем даже не мог представить себе, что после их ухода сонный бармен, даже не смотревший в сторону посетителей, как-то сразу встрепенулся и, подойдя к столику, рядом с которым разговаривали Бахыш-хан и Маджид, снял «жучок», прикрепленный к нему. Уже через четыре часа резидент «Моссад» в Лондоне знал, о чем именно говорили представитель известной шиитской семье в Ливане Маджид аль-Фаради и неизвестный им Бахыш-хан. Израильская разведка традиционно следила за всеми потенциальными кандидатами из арабских стран, учившимися в высших учебных заведениях Великобритании и США, ведь талантливые химики или физики могли представлять реальную угрозу самому существованию государства Израиль. Однажды израильская разведка уже не смогла вычислить пакистанского физика, который сумел украсть секреты атомной бомбы и изготовить подобное оружие в своей стране. Кадир Абдул-хан, так звали этого пакистанского ученого, сумел обмануть не только своих английских коллег, но и спецслужбы Великобритании, которые даже не подозревали о подобном плане. Справедливости ради стоит отметить, что после подобного беспрецедентного поступка доступ мусульманских студентов и аспирантов в ведущие химические и физические лаборатории был резко ограничен, что несколько противоречило самим постулатам демократии.

Но как бы там ни было, первым мусульманским государством, которое создало ядерное оружие, оказался Пакистан. Когда Ирак попробовал сделать нечто подобное, израильтяне просто разбомбили их ядерный центр. Но с Пакистаном ничего не получилось. А теперь еще и заклятый враг Израиля – исламское государство Иран тоже пыталось получить доступ к обладанию подобным оружием. Необходимая в подобных случаях бдительность всех агентов, задействованных в Европе, была просто вынужденной мерой.

Именно поэтому за Маджидом следили уже давно. И его разговор с Бахыш-ханом оказался записан на пленку и передан в центральный офис израильской разведки. Теперь Маджид был взят под плотное наблюдение агентов «Моссада». Смущало только одно обстоятельство. По данным нескольких агентов израильской разведки, Бахыш-хан работал на американцев. Однако в разведке этому не придавали особого значения. Слишком много перебежчиков и двойных агентов существовало в этом беспокойном мире. К тому же в «Моссад» не забывали, что пакистанский ученый-ядерщик Кадир Абдул-хан сумел так ловко похитить секреты именно потому, что его поддержали американцы, пытающиеся разыграть свою карту против Индии. Самое поразительное, что американцы, сыграв на стороне Пакистана против Индии, подсознательно выступили и против России, которая была возможным союзником Индии, а заодно и против своих самых близких союзников – Великобритании и Израиля, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не допустили бы подобной утечки информации.

Но в разведке не бывает постоянных интересов, а предательство почти такая же норма, как и двурушничество.

Вместо прелюдии

Они сидели вдвоем, друг против друга. Племянник бывшего Государственного секретаря Соединенных Штатов Роберт Эйсинджер и один из тех сотрудников Центрального разведывательного управления, кто проводит реальную политику в своем ведомстве, не обращая внимания на часто меняющихся руководителей. Этот человек был настолько важным и настолько засекреченным лицом, что даже имя его никогда не упоминалось ни в одном из опубликованных документов. Мистер Патрик Рассел возглавлял отдел тайных операций, отвечая за разработку и осуществление тех мероприятий, которые априори никогда не будут упомянуты на сенатских слушаниях или в отчетах перед конгрессменами и вообще никогда не станут известны никому из посторонних. В конце-концов, у каждой из уважающих себя спецслужб мира есть в активе подобные операции, которые необходимо скрывать во имя высших интересов страны.

Роберт Эйсинджер был похож на своего дядю. Такой же грузный, с большой головой, умными, немного грустными глазами за толстыми стеклами очков. Ему было уже почти шестьдесят лет, и большую часть своей жизни он работал аналитиком на структуру, называемую Агентством национальной безопасности США. Собеседники уже встречались прежде несколько раз, проникнувшись к другу другу симпатией и уважением, которые обычно испытывают друг к другу настоящие профессионалы, даже безотносительно того, на чьей стороне они обычно выступают. В отличие от своего собеседника Патрик Рассел был типичным англосаксом. Подтянутый, высокий, больше похожий на английского наследственного лорда, чем на руководителя отдела ЦРУ.

– Вы считаете, что наш план был ошибочным? – уточнил Рассел.

– Убежден, – кивнул его собеседник, – я с самого начала был против этой безумной затеи. Завербовать несколько пакистанских моджахедов, чтобы выйти на нужных нам людей? Было ясно, что их рано или поздно разоблачат, даже до того как они начнут действовать. Деньги, конечно, универсальное средство для любой операции, но не забывайте, что в данном случае мы имеем дело с настоящими фанатиками, для которых деньги не самое важное. У них своя, уже устоявшаяся идеология, свои четко сформировавшиеся представления об этом мире и, наконец, у них очень неплохо развита система информации. Но если даже считать, что деньги действительно универсальное средство, то и денег у них довольно много. И если вы со своим скромным бюджетом можете купить парочку предателей, то они со своими миллиардами могут предложить им в сто раз больше, чтобы разоблачить собственных предателей. Что и произошло. Все ваши люди, на которых вы возлагали такие надежды, были уничтожены.

– Их сдали в пакистанской разведке, – мрачно сообщил Рассел, – я всегда считал, что им нельзя доверять. Но в данном случае у нас не было другого выхода.

– Выход есть всегда, – возразил Эйсинджер, – необходимо более тщательно и продуманно планировать ваши операции. Простите меня, мистер Рассел, но я вынужден снова напомнить, что мы имеем дело с очень необычным врагом. Они не ценят не только чужие жизни, но и с радостью готовы умирать во имя собственных идей. Для них не существует никаких моральных запретов во имя торжества собственных ценностей. Они готовы на любые жертвы ради собственной победы, уничтожая как врагов, так и своих соотечественников. А наше общество уже давно не готово к подобным жертвам. Когда самолеты врезались в башни Торгового центра и падали на Пентагон, почти все аналитики, еще не имея конкретной информации, были убеждены, что подобные акты могут совершить только боевики бен Ладена. Найти сразу двадцать европейцев или американцев, готовых вот так бессмысленно и страшно отдать собственные жизни, сегодня практически невозможно. А для тех, кто захватывал самолеты,

это в порядке вещей. Они искренне верили, что попадут в рай. И еще более искренне верили, что их борьба имеет смысл.

Идеология – страшная сила в руках демагогов и фанатиков. В свое время наш президент Эйзенхауэр говорил, что солдаты коммунистического лагеря всегда сражаются лучше, чем солдаты стран демократической коалиции. Немцы во время войны называли русских солдат людьми с «пониженным инстинктом самосохранения». Был такой термин у немецких психологов. Они не могли понять, почему русские обреченно дерутся до последнего человека, отбиваются до последнего патрона и умирают, даже не пытаясь спасти свои жизни, даже когда их поражение абсолютно очевидно. Нелогичность «русских варваров» их даже пугала, вот они и придумали такой термин. На самом деле все было гораздо проще. У русских советских солдат была своя идеология, своя пропаганда, которая оказалась гораздо сильнее фашистской идеологии и нацистской пропаганды. Это был один из самых сильных факторов, повлиявших на ход войны. Сейчас о нем стараются не вспоминать, ведь это означает признать победу сталинской идеологии, что противоречит нынешним либеральным установкам европейских политиков. Но все было именно так. Миллионы советских людей верили, что защищают свою страну от захватчиков, свои дома и свои семьи, что было, в общем, правдой. Сталин однажды сказал в разговоре с Черчиллем, что солдаты защищают не Советскую власть, а свои дома, свои семьи, свою Русь. Он так и выразился. Нужно сказать, что он был умным человеком и трезвым прагматиком. А вот убедить миллионы немцев, что они сражаются за расовое превосходство своей нации, что эта мировая борьба против евреев и славян, оказалось гораздо сложнее.

И дело было даже не в том, что Гитлеру и его гнусной компании этот фокус не удался. Он как раз удался в отношении подавляющего большинства униженного немецкого населения. Затянувшаяся инфляция и потрясения двадцатых годов заставляли немцев верить в любую чушь, даже во всемирный заговор евреев, особенно учитывая тот факт, что большинство крупных банкиров в Германии и в Европе были еврейского происхождения. Как, впрочем и всегда. Но мы говорим не только об обывателях. А вот генералы и фельдмаршалы ему не поверили. Они его презирали, даже когда выполняли его приказы, в отличие от советских генералов и маршалов. Сталин истребил большую часть своих командиров, но оставшиеся дрались изо всех сил, вопреки всякой логике и здравому смыслу. Я немного изучаю русскую историю. Маршал Рокоссовский вышел из лагерей, еще не зная, где находится его семья, и фактически спас Москву вместе с Жуковым зимой сорок первого года. Генерал Мерецков чудом выжил в тюрьме, когда его избивали до полусмерти, а выйдя из тюрьмы, командовал фронтом. И таких примеров сколько угодно. Кроме предателя Власова, который оказался не очень порядочным человеком, у Советской армии не было предателей такого масштаба. А вот в немецкой армии все было несколько иначе. Паулюс, получив звание фельдмаршала в осажденном Сталинграде, сказал, что это фактически означает приказ Гитлера о самоубийстве. «Но такого удовольствия я ему не доставлю», – заметил фельдмаршал. А вспомните Роммеля или Клюге? Блестящие полководцы, может, лучшие среди остальных. Оба покончили с собой, пытаясь хоть таким образом противостоять фашистскому режиму, который они просто презирали. Канариса успели повесить, Гальдера арестовать. Даже Гудериан не очень выносил бесноватого фюрера. А ведь это был цвет немецкого генералитета.

– Вам нужно работать историком-советологом, – усмехнулся Рассел.

– Это моя профессия, – заметил Эйсинджер, – изучать слабые и сильные стороны противоборствующих сторон. С любой точки зрения Советская армия была обречена. Против нее действовала лучшая армия в мире, дисциплинированная, хорошо обученная, технически лучше вооруженная, имеющая победы по всей Европе и еще несколько союзных стран – Финляндию, Италию, Венгрию, Румынию. Против них действовала деморализованная армия, командный состав которой был почти полностью истреблен в предыдущие годы. Устаревшие модели самолетов и танков не шли ни в какое сравнение с немецкими. Повсюду царил страх

перед чекистами и комиссарами. В первые несколько месяцев войны попали в плен несколько миллионов человек. Немцы были уже у Москвы, стояли под Ленинградом, дошли до Сталинграда и Кавказа. И все равно проиграли. Был такой фактор, как вера в свою страну, в ее историю, в ее прошлое и будущее. Сталин и его окружение этим очень здорово воспользовались. Войну назвали Отечественной, убрали комиссаров, восстановили прежнюю царскую форму с погонами, ввели ордена с именами русских полководцев и флотоводцев, даже разрешили деятельность православной церкви, которую до этого люто преследовали. И несмотря на все это, победа русских выглядела абсолютно нелогичной, но закономерной. С первого дня войны они верили в свою победу. Абсолютно верили. И вот этот психологический фактор невозможно не учитывать.

– Убедительная лекция на тему психологического фактора во Второй мировой войне, – пробормотал Рассел. – Вы считаете, что у нас похожая ситуация?

– К сожалению. Идет четвертая мировая война. В третьей мы победили. И опять-таки за счет нашей пропаганды и идеологии. Когда шла война, сломить советских людей было невозможно. В относительно спокойные годы мы сломали их своим комфортом, поразили своим образом жизни, своими достижениями. То, чего не удалось сделать Гитлеру во время войны, мы получили за счет нашей пропаганды уже в конце прошлого века. Даже Гитлер не мечтал о подобном. От России была отторгнута Прибалтика. Украина перешла под наш контроль. Русские потеряли Кавказ и Среднюю Азию. В семидесятые и восьмидесятые годы мы явно переигрывали Советский Союз за счет умелой пропаганды наших ценностей. Мы сломали их изнутри, победив в третьей мировой войне. А сейчас идет четвертая. И в этой войне все козыри уже не нашей стороне.

Против нашей «атлантической» цивилизации действует другой враг. Умный, беспощадный, не останавливающийся ни перед какими жертвами, в отличие от нас готовый на любые страдания, в отличие от нас готовый на жертвенность, в отличие от нас имеющий идеологию, в которую верят миллионы, в отличие от нас, имеющий множество смертников, готовых умирать за эту идею в отличие от нас. Убедительно? Или нужны другие аргументы? Мы начали эту войну в заведомо неравных условиях. На нашей стороне пока только технические достижения нашей армии и нашей науки. Но они нас быстро догонят, уверяю вас, очень быстро. У Пакистана уже есть ядерное оружие, секреты которого их физики удачно украли у своих британских коллег. У них есть миллиарды нефтедолларов, на их стороне наши либеральные законы и наши радикалы, готовые поддержать угнетаемых и обижаемых мусульман. По официальным данным, уже сейчас во Франции шесть миллионов мусульман, в Великобритании – три, в Германии – пять. Что будет завтра? Мы проигрываем эту войну, мистер Рассел, и моя задача – проанализировать причины и найти выход в сложившейся ситуации.

– Вы считаете, что мы можем изменить наш глобализирующийся мир? – невесело усмехнулся Рассел. – По-моему, вы переоцениваете наши возможности.

– Если мы будем ждать, пока уничтожат нашу цивилизацию, мы действительно обречены. Но пока у нас есть возможности и силы для продуманных ответных ударов.

– Размобить башни в Малайзии? – мрачно осведомился Рассел. – Или запретить мусульманам въезд в нашу страну?

– Не поможет, – возразил Эйсинджер, – их в нашей стране уже несколько десятков миллионов. Многие афроамериканцы принимают эту религию и могут оказаться «пятой колонной» в нашей собственной стране.

– Будем считать, что я согласился с вашей апокалиптической картиной мира. У вас есть конкретные идеи?

– Конечно. Необходимо работать над внедрением в высшее звено противостоящего нам мира своих людей. Если хотите, своих «агентов влияния», которые были в Советском Союзе и в странах Восточного блока, когда мы побеждали в третьей мировой войне.

– Каким образом?

– Моя группа разработала подобный план. Необходимо найти несколько человек, которые будут подходить по всем параметрам, и начать их активное внедрение, с необходимым пропагандистским обеспечением и информационной поддержкой. На начальном этапе важно сформировать нужный образ. Создать другой центр силы, некую структуру под нашим контролем...

– Усама бен Ладен получал от нас оружие и деньги на борьбу с коммунистами в Афганистане, – напомнил Рассел, – вы помните, чем это закончилось? Мы вырастили чудовище, которое в итоге выступило против нас.

– Нам его не победить без внедрения в их структуры своих людей. Даже если мы его захватим, даже если нам удастся уничтожить всю верхушку «Аль-Каиды». Появятся другие. Их невозможно уничтожить только физически, нужен целый комплекс мер, которые помогут нам оттянуть поражение в этой войне.

– Только оттянуть?

– Я прагматик и реалист. Пока мы не можем ничего им противопоставить. Молодая религия, быстро растущее население, финансовые возможности, нужная идеология, не признающая национализма и сепаратизма, которые раздирают наши страны... В общем, все козыри на их стороне. Мы – умирающая цивилизация, мистер Рассел, это абсолютно очевидно. В Европе даже побоялись включить в текст собственной Конституции упоминание о христианских корнях этого континента. А ведь это не просто история, это истоки, на которых зиждется европейская и североамериканская культура. Только я не хочу при своей жизни наблюдать «закат Империи». Его можно оттянуть лет на пятьдесят или сто, в зависимости от наших усилий. Но наш «Рим» все равно обречен. Рано или поздно мы падем под ударами неприятеля.

Возможно к тому времени в мире появится еще более грозная сила, которая попытается противостоять миллиардному мусульманскому миру. И этой силой будет «азиатский дракон» Китая. Они уже сейчас устроили пробу сил во время своей первой стычки в Урумчи, когда мусульмане-уйгуры и китайцы начали беспощадно убивать друг друга. Если мы сумеем верно направить их гнев друг на друга, то, возможно, продлим наше существование. Как когда-то действовало княжество в Дубровнике, лавируя между грозной Османской империей и сильной Венецией. Им удавалось довольно долго сохранять свою независимость, играя на противоречиях двух великих держав. Со временем могут появиться два «азиатских дракона», которые будут ненавидеть мусульман даже сильнее всех нас. И не доверять друг другу. Китай и Индия. Это при том, что в Индии почти пятнадцать процентов своих мусульман.

– Ваши исторические примеры меня не убедили, – ответил Рассел, – я продолжаю верить в жизнеспособность нашей цивилизации. В конце концов, нам удалось пережить в двадцатом веке и Великую депрессию, и две мировые войны. Более того, наша система доказала свою прочность, выйдя победителем и в схватке с фашизмом, и в борьбе с коммунизмом. Но ваши опасения мне понятны.

– Надеюсь, что хотя бы так, – кивнул Эйссинджер. – Я принес вам наши разработки. Вы можете их посмотреть. Но учтите, что отбор реальных кандидатов должен происходить каждый раз очень целенаправленно и точно. Разумеется, все кандидаты не должны быть связаны друг с другом. И уже конечно, это не должны быть обычные полуграмотные боевики или недоучившиеся студенты, которых вербуют ваши сотрудники и ваши союзники. С каждым из таких «кандидатов» нужно будет очень тщательно работать, находить нужные психологические приемы, продумывать буквально каждый шаг. Необходимо учитывать и рекомендации психологов, иначе подобный «кандидат» может выйти из-под нашего контроля, что уже неоднократно случалось в нашей недолгой истории.

– Мы все продумаем вместе, – кивнул Рассел, – в конце концов, это наше общее дело.

– Именно поэтому мы хотим предложить вам наш необычный план. Одновременная попытка внедрения сразу трех кандидатов. Причем каждый из них будет идти собственным путем, не похожим на остальных. Условно говоря, мы их разделили. Первый кандидат будет абсолютно «слепым», то есть его нужно будет использовать только как передатчик, внедренный в чужую среду, без права знать конечную и истинную цель. Второй кандидат будет «зрячим». Это будет специалист, которому мы четко обозначим задачу и цели нашего внедрения. Только нужно продумать всю операцию таким образом, чтобы обеспечить его надежное прикрытие. И третий кандидат, которого мы условно можем назвать «полуслепым», то есть он будет кое-что знать, но во все детали мы его не станем посвящать. Каждый из трех кандидатов будет использован для одновременного внедрения. Наши психологи и аналитики считают, что это наиболее приемлемый план. Вербовать наемников или искать предателей мы уже научились. А они научились их быстро разоблачать. Значит, нужно перейти к другим методам. Работать на перспективу.

– Ваш план, возможно, и оригинален. Но он займет много времени. Вы представляете, сколько нужно времени, чтобы внедрить своего человека в другую организацию?

– Легче найти предателя в их собственной среде? – улыбнулся Эйсинджер.

– Гораздо легче.

– Мы не можем все время идти тем же ошибочным путем. Они научились вычислять своих предателей и перекупать наших информаторов.

– Но сколько уйдет денег и времени на ваш план?

– У нас впереди целая вечность. Это борьба не на один день, мистер Рассел. Боюсь, что весь грядущий век пройдет под знаком этой борьбы. И не забывайте о «драконах» с Востока. Японский «дракон» оказался бумажным, остальные два будут гораздо опаснее. Об этом мы тоже обязаны думать. Идеальный вариант – битва «драконов» с нашими врагами. В этом случае «атлантическая» цивилизация получает шанс на выживание.

– Я внимательно все прочитаю, – пообещал Рассел, – и передам в наш аналитический отдел. А деньги? Какие суммы понадобятся?

– Полагаю, что немаленькие. Но это тот случай, когда стоимость внедрения не имеет никакого значения. Результат должен превзойти все наши затраты.

– Три кандидата, – пробормотал Рассел, – интересная мысль. Я обещаю вам, что лично ознакомлюсь с этими материалами. И как можно быстрее дам вам ответ.

Второй кандидат (продолжение)

Фоксман взглянул на стоявшего перед ним мужчину. Лет тридцать пять. Спокойный, уверенный взгляд, спортивная, подтянутая фигура. Глубокие морщины. Голова выбрита, а на лице трехдневная щетина. Умные и проницательные глаза. Начитанного, грамотного и много страдавшего человека. Незнакомец молча ждал, пока заговорит приехавший гость.

– Господин Физули, – произнес тот, – меня зовут Джонатан Фоксман. Я специально прилетел сюда, чтобы переговорить с вами.

– Меня предупредили, – кивнул Физули, – сказали, чтобы я подъехал именно сюда в такое позднее время. Или уже раннее. У нас уже светает.

– Давайте отойдем от машин, – предложил Фоксман.

Физули усмехнулся. Очевидно, его собеседник был из тех перестраховщиков, которые пытаются все держать под контролем. Если в одной из машин установлен какой-нибудь «жучок», то их разговор могут услышать посторонние люди. Он молча прошел за Фоксманом за небольшой холм. Джонатан огляделся, удовлетворенно кивнул головой.

– Давайте начнем. Только не удивляйтесь. У нас очень мало времени. Я буду задавать вам вопросы в стиле «блиц». А вы попытайтесь достаточно быстро отвечать на них.

– Давайте.

– Ваше полное имя, фамилия, отчество.

– Физули Гаджикули-оглы Гусейнов.

– Кто вы по национальности?

– В анкете у меня записано, что я азербайджанец. Я себя таким и чувствую. Но по отцу я курд, а по матери талыш. Это этнические группы в нашей республике...

– Я знаю, – прервал его Фоксман, – вы были офицером Министерства национальной безопасности?

– Да.

– Почему ушли в отставку?

– Я не ушел. Вы ведь должны знать мою анкету, – впервые немного сорвался Физули не став отвечать на вопрос.

– Я ее знаю. Но хочу услышать ваше объяснение.

– У меня произошла семейная трагедия. – По лицу Физули ничего нельзя было прочитать, но было понятно, что он напрягся. – Я был тяжело ранен и меня списали по инвалидности. Вот уже два года я считаюсь уволенным из органов министерства по инвалидности. Я был тяжело контужен и почти четыре месяца находился в коме. Врачи считали, что я не выживу. После такого ранения обратно меня уже не взяли.

– Как вы сейчас себя чувствуете?

– Вы считаете, что я похож на инвалида?

– Только отвечайте на вопросы. Как вы себя чувствуете?

– Физически абсолютно нормально. Иногда болит голова.

– Ясно. Сейчас я задам пару не очень приятных вопросов. И поэтому готов заранее извиниться.

– Не думал, что встречу с таким деликатным собеседником, – без тени улыбки ответил Физули.

– Ваш автомобиль был заминирован, когда вы с семьей были в Дербенте? Все правильно?

– Да, в Дагестане. Я был у своего двоюродного брата, который работает в полиции. Очевидно, там решили, что и я работаю в полиции. Или точно узнали, где именно я работаю. Мой автомобиль был заминирован. И он взорвался через две минуты после того, как мы отъехали.

«Он умеет держать себя в руках, даже после такой трагедии, – с удовлетворением отметил Фоксман, – похоже, что физически он тоже восстановился. Но нам нужно будет еще раз проверить его психологическую устойчивость».

– В машине была ваша семья? – уточнил Джонатан. – Простите, если я невольно причиняю вам боль.

– В машине были моя жена и десятилетний сын, – глухо сообщил Физули, – они погибли. Я остался в живых, хотя и провалялся в четырехмесячной коме. Сейчас получаю пенсию по инвалидности.

– И нигде не работаете?

– Мне это неинтересно. Я живу в горах, в ста километрах отсюда, ближе к Шемахе. Там у моего отца был домик, и я в нем поселился. Живу один со своими собаками и козами. Еще есть вопросы?

– Ваше воинское звание?

– Майор.

– Вы закончили институт в Москве?

– Да. И еще проходил специальные курсы в Германии, куда нас отправляли на стажировку в рамках программы сотрудничества с НАТО.

– Говорят, что у вас были самые лучшие показатели среди всех остальных офицеров, – напомнил Фоксман.

– Возможно, поэтому на меня еще тогда обратили внимание, – очень спокойно парировал Физули.

– Безусловно. Не обратить внимание на такого эрудированого и грамотного человека было невозможно, – сказал Фоксман. – Но вот уже два года вы не работаете...

– Два с половиной. Прибавьте к этому времени мой срок пребывания в больнице.

– Конечно. Вы считаете, что с вами поступили несправедливо?

– Нет. Нормально. Я действительно был в коме. Целых четыре месяца. Когда начал приходить в сознание, почти ничего не видел, плохо соображал, не мог даже самостоятельно подняться с кровати. Меня комиссовали. Все верно. В таких условиях я ни на что не годился. А когда понял, что мои погибли... В общем, все сделали правильно. Я бы не смог оставаться в Баку, снова жить в своей прежней квартире, ходить на работу. Повторяю, – все сделали правильно. Я ни на кого не обижаюсь.

– Почему вы приняли наше предложение?

– За два года жизни в горах я многое передумал. И чувствую себя нормально. Прежнюю физическую форму я восстановил, никаких проблем. Иногда мучают головные боли, но с этим ничего не поделаешь. Оставаться больше в горах я не хочу, а возвращаться к себе на прежнюю работу, наверно, не могу. И не хочу. Поэтому я даже не поверил, когда ко мне приехал сотрудник вашего посольства. Решил, что это розыгрыш. Откуда американцы могли знать про инвалида, живущего в горах? Теперь понимаю, что вы меня давно искали и давно взяли на заметку. Еще с тех пор, как я был в Мюнхене четыре года назад.

– Верно, – кивнул Фоксман, – у вас были просто феноменальные показатели. Жаль, что так получилось с вами и с вашей семьей...

Физули отвернулся. Он не хотел, чтобы Фоксман увидел его глаза.

– Вы понимаете, в чем состоит суть нашего предложения? – уточнил Джонатан.

– Насколько я понял, вы хотите, чтобы я работал на вас?

– Не только. Мы ждем от вас гораздо большего. Мы хотим, чтобы вы не просто работали на нас, а внедрились в другие структуры – в те, куда вы сможете внедриться.

– Почему вы в этом уверены?

– Наши аналитики просчитали ваш психотип и ваши возможности. Конечно, с учетом произошедшей трагедии. Нам показалось, что такому деятельному человеку, как вы, трудно будет долго сидеть в горах. Хотя бы потому, что вы наверняка захотите отомстить.

– Возможно, – чуть подумав, ответил Физули.

– В таком случае вам нужно принять окончательное решение. Мы встретимся с вами в Стамбуле. Но учтите: никто не должен знать о нашем разговоре. Никто и никогда.

– Это я понимаю. Что я должен сделать?

– Об этом мы поговорим в Стамбуле. Что вы скажете своим близким, куда и зачем вы уехали?

– На охоту, в другой район. Я иногда уезжаю на несколько дней.

– Ваша командировка может затянуться на несколько лет, – предупредил Фоксман, – в этом случае для всех вы будете считаться погибшим на охоте или пропавшим без вести. Подумайте об этом.

– Я сам должен «устроить» свое исчезновение?

– Не обязательно. Мы вам поможем. Где вы обычно охотитесь?

– На севере. Куба, Хачмас.

– В таком случае поезжайте на охоту через два дня. В Хачмасае вас будут ждать. Там вам дадут деньги и паспорт на другое имя. Но вы не рискуйте. Оставьте следы, чтобы вас начали искать. Затем можете исчезнуть. Не мне вас учить, как это обычно делается. Сначала отправляйтесь в Нахичевань. Оттуда проедете на автобусе в Турцию и самолетом в Стамбул. Вся цепочка будет под нашим контролем. Завтра я вам позвоню и скажу, где вам передадут деньги и документы.

– На какой телефон?

– Я вам сейчас его дам, – сообщил Фоксман, – и учтите, что я сделаю только один телефонный звонок. Времени у нас будет не больше пятидесяти секунд. Затем вы должны разбить телефон. Вы все поняли?

– Да.

– Телефонную карту нужно уничтожить отдельно.

– Я это знаю.

– Выезжая из дома, нельзя забирать с собой никаких личных вещей.

– Я это тоже знаю!

– Вы можете поручить собак кому-то другому, если уверены, что вернетесь через несколько дней?

– Всегда так делал. Когда уезжаю на охоту, прошу соседа приглядеть за моими собаками. Он живет в двух километрах от меня, работает сторожем.

– Прекрасно. Значит, расскажете ему о вашей поездке на охоту и попросите посмотреть за собаками, как обычно.

– Так и сделаю. Можно теперь я задам вам несколько вопросов?

– Безусловно. Я был бы удивлен, если бы вы ничего не спросили.

– В чем будет состоять моя работа? Насколько я понял, вы хотите меня куда-то внедрить?

– Да. В курдскую террористическую организацию. Вы ведь курд, и это обстоятельство может нам помочь.

– Почему вы выбрали именно меня?

– У вас были великолепные показатели. А сейчас вы уже довольно давно не работаете в своей организации. Нам показалось, что вы могли за это время восстановиться.

– Это не ответ.

– Мы искали человека с вашей биографией и вашими данными по всему миру. Операция слишком важна, чтобы я мог здесь рассказывать вам про нее.

– У меня будет условие.

– Деньги? Хотите знать сумму?

– Нет. Не хочу. У меня другое условие. Ни при каких обстоятельствах я не буду работать против своей страны, против Азербайджана.

– Конечно. Это даже не обсуждается. Но секретность нужна для того, чтобы обеспечить вашу абсолютную безопасность. О деталях операции не знает никто, даже тот человек который выходил с вами на связь. Он скоро покинет Баку навсегда. Все детали знаю только один я.

– Понятно. Теперь ваше предложение. Что я буду делать и что именно получу?

– Я уже сказал, что детали операции мы будем обсуждать в другом месте. А получите... Скажем, три миллиона долларов. Или пять миллионов. Если все пройдет нормально, то, возможно, и двадцать пять миллионов. Но это уже, если вам очень повезет.

– Солидные суммы. Неужели вы готовы заплатить такие деньги инвалиду и бывшему офицеру?

– Для нас вы слишком ценный экземпляр, господин Гусейнов.

– Не перехвалите. Возможно, я вам не подойду.

– Возможно, – кивнул Фоксман. Он не стал уточнять, что в этом случае его собеседник просто не вернется домой. Он навсегда останется в Турции и будет похоронен под чужим именем на каком-нибудь провинциальном кладбище. Но это был бы самый худший вариант развития событий, и не только для Физули Гусейнова, но и для самого Джонатана Фоксмана.

– У нас большие планы в отношении вас, господин Гусейнов, – сообщил Фоксман. – Когда вы прилетите в Стамбул и мы встретимся с вами еще раз, вы все поймете. Это исключительно важная операция, которую мы проводим в том числе и во имя вашей страны, если вам так будет спокойнее.

– Посмотрим, – кивнул Физули.

– Значит, договорились. – Фоксман оглянулся по сторонам и достал из кармана телефонный аппарат. – Вот вам телефон. Учтите, что наш разговор не должен превышать пятидесяти секунд. Затем смело ломайте аппарат и уничтожайте карточку.

– Понятно. – Физули взял телефон, положил его в карман. – Вы работаете на ЦРУ? – уточнил он.

– Нет, – ответил Фоксман, – не вижу смысла врать. Я работаю на Агентство национальной безопасности, – сказал он, на всякий случай солгав. – До свидания! Надеюсь, что мы скоро увидимся.

Он пожал руку своему собеседнику и, повернувшись, заторопился к своей машине.

В половине шестого утра Фоксман подъехал к зданию отеля. Припарковал машину, вошел в холл, кивнув заспанному портье. Он заметил, что у здания отеля остановилась уже знакомая ему машина с Ильясом Мамедовым, который приехал, чтобы отвезти его в аэропорт. Самолет «Люфтганзы» улетал в восемь часов утра. Фоксман заторопился. Он буквально пробежал по коридору к нужному номеру. Ворвавшись к своему двойнику, он стащил парик, очки, куртку и выбежал в коридор. Уже подбегая к своему номеру, услышал телефонные звонки и, открыв дверь, бросился к телефонной трубке.

– Что случилось? – спросил он.

– Простите, что разбудил вас, – сказал Ильяс, – доброе утро. Нам уже пора.

Фоксман взглянул на магнитофон, откуда доносился его храп, и выключил его, надеясь, что азербайджанские контрразведчики не обратят внимания на такую досадную оплошность.

– Доброе утро! Я был в ванной комнате. Хотел побриться. Но, наверно, уже не успею. Ничего страшного. Я сейчас спущусь. Не беспокойтесь.

– Я вас буду ждать, – ответил Ильяс.

Фоксман положил трубку, отправился в ванную, чтобы умыться. Собственно, вещей у него не так много – только два фотоаппарата, сумка и смена белья. Все можно уложить за одну минуту. В ванной комнате он увидел свое лицо и расхохотался. Редкие рыжеватые волосы были

растрепаны так, словно он нарочно сделал себе две небольшие косички, торчавшие вверх. Он причесался, собрал свои вещи и вышел из номера.

В аэропорт они прибыли за полтора часа до вылета самолета. Ильяс долго пожимал ему руку и на прощание подарил небольшой сувенир в виде миниатюрного музыкального инструмента – тара. Фоксман отдал ему свою зажигалку, которую купил в Лондоне в прошлом году. Зажигалка была довольно дорогая, стоила около двадцати фунтов. Но операция, похоже, прошла успешно, и он был в весьма благодушном настроении. Он даже не подозревал, что его подарок затем разберут до винтика, чтобы на всякий случай проверить, что именно скрывала зажигалка американского гостя, – но так ничего и не найдут.

Вместо прелюдии (продолжение)

Ровно через две недели они встретились снова. Патрик Рассел пригласил своего коллегу непосредственно в Лэнгли, где они могли обсудить все подробности нового плана Роберта Эйс-синджера. Аналитик из Агентства национальной безопасности прибыл с несколькими папками своих материалов и наработок, которые содержали конкретные рекомендации аналитиков АНБ для успешного осуществления операции «Внедрение».

В кабинете Рассела они были вдвоем. В подобных случаях за такие секретные операции отвечает только руководитель подразделения, который имеет право знать всех возможных кандидатов и различные подробности единого плана. Остальные офицеры получают конкретные указания и не знают других кандидатов или весь план в целом, что резко снижает возможность общей неудачи при локальных провалах. К тому же подобная перестраховка является общемировой практикой, принятой в любых спецслужбах. Кроме Патрика Рассела о всей операции мог знать только один высокопоставленный сотрудник ЦРУ, который будет координатором проекта.

– Мы внимательно ознакомились с вашим планом, – сообщил Рассел, – и он признан перспективным. Хотя мы редко планируем свои действия на такой длительный срок. Это раньше нам нужна была такая стратегия и мы планировали наши мероприятия на годы вперед, чтобы переиграть советскую или восточногерманскую разведку. После развала Советского Союза и всего Восточного блока мы считали, что подобное длительное планирование нам уже просто не нужно. А противников, которые живут в пещерах и пустынях, мы вообще не считали серьезными оппонентами. К сожалению, мы ошиблись. И одиннадцатого сентября дорого заплатили за эту ошибку. Очень дорого. Хотя один из наших агентов даже предупреждал нас о готовящихся акциях. Но кто мог тогда ему поверить? Эйфория после победы над Советским Союзом и его сателлитами длилась очень долго, пока одиннадцатое сентября больно не ударило по нашему самолюбию, напомнив, насколько несовершенен наш мир и сколько реальных угроз в нем еще существует.

– Этот удар проспали не только ваши оперативники, но и наши аналитики, – великодушно согласился Эйссинджер. – Но сейчас уже прошло столько лет и мы просто обязаны работать на перспективу. Тем более что перспектива нашей победы пока не просматривается даже в отдаленном будущем, а возможные удары со стороны противника весьма реальны и очень болезненны. Нужно быть на шаг впереди, чтобы избежать весьма ощутимых провалов. Англичане пропустили удар, когда получили взрывы в своем метро, но затем отправили противника в настоящий нокаут, когда сумели предотвратить гибель сразу десяти лайнеров над Атлантикой, которые собирались взрывать с помощью бутылочек с якобы детским питанием, банок с якобы лекарствами или обычным кофе. Только внедренный агент английских спецслужб сумел вовремя предупредить английскую контрразведку о подобном террористическом плане. По нашим данным, август шестого года мог оказаться гораздо более трагическим, чем одиннадцатое сентября первого года. Если бы план удался, то погибло бы больше трех тысяч пассажиров, из которых больше половины были женщины и дети. Наши аналитики просчитали, что возможность ответных действий обычных граждан оценивалась более чем в семьдесят процентов.

– Мы тоже просчитали этот вариант, – согласился Рассел. – Если бы им удалось взорвать сразу несколько лайнеров, то антимусульманские акции в Великобритании стали бы просто неизбежностью.

– И все эти трагические события сумел предотвратить вовремя внедренный агент МИ-6, – напомнил Эйссинджер, – что еще раз подчеркивает важную роль внедренной агентуры в нашей деятельности.

– Именно поэтому мне и поручили снова встретиться с вами, – кивнул Рассел. – Мы готовы приступить к разработке вашего плана. Сейчас определяются возможные кандидаты. На сегодня у нас уже есть три кандидатуры по вашей квалификации. «Слепой» кандидат, который ничего не будет знать и действовать под нашим контролем. Это боец одного из белуджистанских сепаратистских отрядов – Асиф Шахвани. Он гражданин Пакистана, но является активным участником местного экстремистского движения. Второй кандидат – «Зрячий», бывший офицер службы безопасности Азербайджана Физули Гусейнов. Его семья погибла в Дагестане, когда он гостил у своего родственника, офицера полиции – в России эта служба называется милицией. Во время взрыва заминированной машины все погибли, а сам Гусейнов был тяжело ранен и провалялся несколько месяцев в коме. Его уволили из органов, и последние годы он провел в горах, в полном одиночестве. По нашим данным, он сейчас более чем восстановился и готов к любым испытаниям. После перенесенных страданий ему уже ничего не страшно. И не забывайте о его жажде мести.

– Этот вариант достаточно спорный, – осторожно возразил Эйсинджер. – Вы уверены, что вам его не подставили спецслужбы Азербайджана или России, у которых все еще существуют весьма тесные связи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.